

Т. Ленц

ФРАНКО-МАРОККАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД КОНСУЛЬСТВА И ИМПЕРИИ

Хотя Магриб обладал в глазах французов меньшей привлекательностью, чем Ближний Восток, наполеоновское правительство и деловые круги прекрасно сознавали его значение. Из всех магрибских государственных образований Марокко могло стать для Франции наиболее интересным партнером. Эта сохранившая свою независимость страна с тысячелетней историей была единственным средиземноморским мусульманским государством, не зависевшим от Османской империи, в то время как три другие территории – Алжир, Тунис и Триполи – номинально подчинялись османскому султану. Марокко не отказывалось иметь торговые отношения с Европой, вело борьбу с пиратством и имело государственное устройство современного (хотя и несколько непонятного для европейцев) типа. Оно контролировало один из берегов Гибралтарского пролива. Таким образом, эта страна интересовала Наполеона и в коммерческом, и особенно в стратегическом плане. Достаточно вялые вначале, франко-марокканские отношения несколько потеплели в период Тильзита. Однако это сближение было сведено на нет оккупацией Испании и имперскими притязаниями Франции, подтолкнувшими, в конечном счете, Марокко в объятия Англии.

Ключевые слова: Марокко, международные отношения, Наполеон Бонапарт

В начале XIX века Магриб был разделен на четыре больших государственных объединения: королевство (иногда называемое «империей») Марокко, Алжирское и Тунисское регентства и королевство Триполи (как тогда говорилось, «варварийский Триполи»). Хотя Северная Африка обладала в глазах французов меньшей привлекательностью, чем Восток, наполеоновское правительство и деловые круги прекрасно сознавали ее значение. Этот регион мог стать французской базой в Средиземноморье (Наполеон намеревался в дальнейшем завоевать Алжир, чтобы сделать из него «французский Гибралтар») и, учитывая разнообразие производимой там продукции, мог сыграть важную роль в развитии внешней торговли. Из всех североафриканских государственных образований Марокко могло стать для Франции наиболее интересным партнером. Эта сохранившая свою независимость страна с тысячелетней историей была единственным средиземноморским мусульманским государством, не за-

Тьерри Ленц, директор Фонда Наполеона (Париж).

висевшим от Османской империи, в то время как три другие территории – Алжир, Тунис и Триполи – номинально подчинялись османскому султану. Марокко не отказывалось иметь торговые отношения с Европой, вело борьбу с пиратством и имело государственное устройство современного (хотя и несколько непонятного для европейцев) типа. Оно служило «связующим звеном между Европой и Африкой»¹, так как один из берегов Гибралтарского пролива находился под его контролем. Таким образом, эта страна интересовала Наполеона и в коммерческом, и особенно в стратегическом плане.

Марокко под властью Мулай Слимана

Создание «королевства» Марокко относится к VIII веку². В эпоху Наполеона его границы были совершенно не такими, как сегодня, в частности – граница с Алжиром, которая была окончательно установлена лишь по договору от 18 марта 1855 г. Имея 1300-километровую береговую линию вдоль побережья Средиземного моря и Атлантического океана, Марокко было открыто для морской торговли и поддерживало интенсивные коммерческие связи с Европой и Соединенными Штатами. Поскольку регистрация актов гражданского состояния там не велась, трудно сказать, какова была точная численность его населения в рассматриваемый период. Цифры, которые приводят историки, колеблются от 7 до 9 млн жителей, половину из которых составляли берберы, расселившиеся по всей территории страны, треть – мавры, проживавшие главным образом на побережье, около 750 тыс. – арабы, в большинстве своем городские жители, не считая бедуинов, кочевавших и торговавших на удалении в тысячи километров. Как пишет современник событий, «в Алжире, Тунисе и Триполи мавры и арабы всегда составляли два очень разных народа; в Марокко же это не так. Видимо, арабы там были слишком малочисленны»³. Бок о бок с названными группами проживало еще около 140 тыс. человек негритянского населения, а также более 100 тыс. евреев. Христиан же было совсем немного, самое большее – около тысячи человек, и они в основном были заняты при торговых домах и консульских учреждениях⁴.

¹ Zbitou A. La bataille navale de Trafalgar est-elle à l'origine des convoitises européennes sur le Maroc? // Puissance terrestre et maritime à l'époque de la bataille de Trafalgar: Actes du XXIe congrès international d'histoire militaire. Madrid, 2005. P. 453.

² Идрис I взошел на престол в 788 г. – за двенадцать лет до того, как Карл Великий был коронован императором.

³ Mémoire de Mathieu de Lesseps sur le Maroc, 12 novembre 1809 // Archives du ministère des Affaires étrangères (AAE). Mémoires et documents (MD). Vol. 3. Maroc.

⁴ Цифры взяты из энциклопедического словаря Ларусса: *Larousse*. Grand dictionnaires universel du XIXe siècle, а также из вышеприведенного издания «Mémoire de Mathieu de Lesseps».

Когда Наполеон Бонапарт пришел к власти¹, «султан Феса» (король Марокко) или иногда – «император Марокко») Слиман (или Солиман, или Сулейман, 1760–1822), вот уже несколько лет как правил страной – с 12 марта 1792 г. Капитан Бюрель, которого Наполеон отправил к нему с политической и разведывательной миссией, описывал султана так:

Мулай Солиман, император Марокко, – человек высокого роста; светловолосый и белолицый; у него приятное, значительное и довольно красивое лицо, ему около сорока пяти лет, он страдает небольшим заиканием и косоглазием. Он принадлежит к классу тальбов [Tolba. – *Прим. автора*], то есть юристов или ученых, он является главой мусульманской религии на всем Западе, у него мягкий и не слишком воинственный характер, он справляется с управлением гораздо лучше своих предков, и все же солдаты его недолюбливают из-за его скупости².

Мулай Слиман принадлежал к династии Алауитов, находящейся у власти в Марокко с 1666 г.³ Эта династия, родиной которой был Янбоа аль-Нахил, оазис на Аравийском полуострове, и которая, согласно преданию, вела свое происхождение от пророка Мухаммеда по линии его дочери и зятя Али, обосновалась в Марокко в области Тафилалет к западу от Марракеша. Ранее самым могущественным алауитским правителем был Исмаил, правивший с 1672 по 1727 г. и добившийся относительного сплочения Марокко вокруг королевского престола. В его правление центральная власть усилилась, а власть правителей на местах ослабла, хотя полностью не исчезла. Он сделал своей столицей Мекнес. Из-за масштабного строительства, развернувшегося в столице в его правление, Исмаила иногда называли «марокканским Людовиком XIV».

¹ Марокканцы обычно называют Наполеона «Наполеоном Бонапартом», или даже «императором Бонапартом»; поэтому использование одного лишь имени может быть ими неправильно понято.

² Rapport du capitaine du génie Burel sur sa mission auprès de l'Empereur de Maroc en l'année 1808, 20 avril 1810. Цит. по: *Caillé J. La mission du capitaine Burel en Maroc en 1808 // Institut des Hautes Études marocaines. Notes et documents. 1953. № 13. P. 41–57.* Это донесение капитана инженерных войск Бюреля хранится в Архивном центре министерства обороны Франции: Service Historique de la Défense. Terre. I. М., 1675. Мы публикуем его в приложении к настоящей статье.

³ Династия Алауитов до сих пор находится у власти. Она сменила на троне династии Идрисидов (788–974), Альморавидов (974–1147), Альмохадов (1147–1248), Маринидов (1248–1465), Ваттасидов (1465–1555) и Саадидов (1555–1666). История марокканских династий представлена в обобщающем труде Бернара Люгана: *Lugan B. Histoire du Maroc, des origines à nos jours. P., 2000. 368 p.* Следует отметить, что эти потомки Али были суннитами, то есть они не считали своего предка «преемником» (тем, кто указывает путь) пророка Мухаммада, в отличие от шиитов. В наше время примерно девять мусульман из десяти являются суннитами.

Говорят, он просил у короля Франции руки принцессы Конти, но получил отказ.

Разумеется, не следует при рассмотрении становления центральной власти в Марокко сравнивать этот процесс с какой бы то ни было формой централизации «по-французски». Политическое устройство королевства, бесспорно, представляло собой унитарное государство с делением на провинции, во главе каждой из которых стоял губернатор (паша), зависевший от центральной власти. Но при этом сохранялся и другой тип устройства, который вряд ли можно считать более неформальным: его основой служили религиозные братства, племенные связи и остатки прежних независимых княжеств, чем объясняются частые мятежи и междоусобные войны. В общих чертах деятельность марокканского правительства строилась по принципу постоянных переговоров с целью поддержания единства королевства и при этом почти не опиралась на писанные законы, не считая Корана. Хотя король был главой исполнительной власти, законодателем и судьей, правители областей и местные князьки чувствовали себя весьма вольготно. По этой причине в правительстве имелся специальный министр (*визирь*, или *вазир*), в задачу которого входило поддержание контактов с различными местными силами: «Власть центрального правительства не распространяется на всю страну, — отмечает один марокканский историк. — Вместо этого существует широкая децентрализация, и назначение каида во главе административного округа является в большинстве случаев компромиссом между волей султана и волей населения [...]. При этом имеет место целая гамма оттенков такой децентрализации — от сменяемых чиновников до настоящих князей, лишь номинально признающих власть сюзерена; так что различия между сферой господства и сферой подчинения весьма подвижны [...]. Власть Алауитов действует не приказами, а переговорами — с иностранцами ли, с местными ли властями; военная же сила используется лишь для ускорения этих переговоров»¹. Европейцы, и в особенности французы с их рационализмом и унаследованным от Революции стремлением к единообразию, были, мягко говоря, неспособны понять сложную организацию обществ Магриба: так, они считали торговлю сферой «произвола и самоуправства», зависящей от «воли или капризов местных правителей»². Один современник писал следующее:

¹ См.: *Laroui A. L'Histoire du Maghreb. Un essai de synthèse. 2e éd. Casablanca, 2001. P. 258–259.*

² *Chaptal. De l'industrie française. Paris: Imprimerie nationale, réédition 1993. P. 139.*

«В области, где не существует даже подобия дворянства, где вообще нет судейского корпуса, где народ не имеет ни в каком виде представительства, где неизвестны даже названия самых необходимых наук [...], где состояния недолговечны, где тот, кто вчера занимал самые высокие посты, на завтра может оказаться в рабстве, где таланты и добродетели не могут надеяться ни на уважение, ни на вознаграждение, – в такой области не может быть явно выраженной разницы между теми, кто заточен в заточках, и теми, кто дышит более свободным воздухом»¹.

Будучи Повелителем Верующих (эта составляющая легитимности служила для него важнейшей опорой), султан пользовался глубоким уважением, в том числе со стороны своих внутренних противников. Он забирал в личную казну часть налоговых поступлений, из которых приблизительно десятую часть составляли таможенные пошлины – основной ресурс государства. В этой связи все тот же наблюдатель, современник правления Слимана, писал: «Повсюду царит нищета, хотя мягкость и справедливость правящего ныне императора придают империи вид преобладающей в достатке»². Почти как сегодня, верховный правитель, «соединявший в одном лице короля, императора, военного предводителя и религиозного вождя»³, без конца переезжал с места на место, из одного дворца в другой, а не сидел постоянно в своей столице, так что посетители, которым он соглашался дать аудиенцию, вынуждены были иногда дожидаться по несколько дней, а то и недель, пока их примут.

Слиман был сыном Мухаммеда III (Сиди Мухаммеда ибн Абдаллаха), правившего с 1757 по 1790 г. Он сменил на троне своего брата Язида, находившегося у власти совсем недолго (1790–1792): тот был убит в ходе подавления восстания в районе Марракеша. Правление Слимана началось плохо: небывалая засуха вызвала неурожай и недовольство подданных. Затем разразилась чума, которую, судя по всему, завезли паломники из Мекки. Эпидемия продлилась три года, с 1797 по 1800 г., и унесла сотни тысяч жизней. Одной из жертв стал премьер-министр ибн Осман. Рассказывали, например, что в агломерации Сале-Рабат от болезни умерло от 20 до 30 тыс. человек, а в Марракеше, численность населения которого составляла тогда 60 тыс., ежедневно умирало до 1800 человек⁴.

В целом, Слиман, как и его предки, управлял страной с помощью авторитарных методов, опираясь в этом на своего последнего брата

¹ Mémoire de Mathieu de Lesseps sur le Maroc. 1809.

² Ibid.

³ Laroui A. Op. cit. P. 259.

⁴ Godard L. Description et histoire du Maroc. P., 1860. T. 2. P. 574.

Тайиба. Он добивался централизации управления из Феса, где его авторитет был незыблем, и, чтобы пойти навстречу европейским державам, положил конец пиратским нападениям, для чего даже сместил нескольких губернаторов, поощрявших морской разбой. Он укреплял созданную фискальную систему и продолжал модернизировать государственный аппарат. Во внутренней политике ему приходилось не легче, чем его предшественникам. Так, он был вынужден бороться с теми, кто оспаривал его власть, начиная с двух его братьев – Хишама и Абд ар-Рахмана, принужденных, в конце концов, в 1795 г. капитулировать. После этого султан смог почувствовать себя относительно спокойно, хотя уже в 1805 г. он вновь взялся за оружие, на этот раз – против своего племянника Ибрагима (сына Язида), в районе Феса и Мекнеса¹. Победа принесла лишь временную передышку: в 1809 г. его ждали пограничные усобицы с регентством Алжир, а в 1810 г. – опасный мятеж в Рифе, в верхнем и среднем Атласе. И опять, после трех лет вооруженной борьбы, он одержал победу. В 1811 г. в районе Мекнеса подняли восстание берберы, но в битвах при Сефру и Азру они были сокрушены. После нескольких лет затишья Слиману снова пришлось отправиться на войну – на этот раз с племенами среднего Атласа, как раз в тот момент, когда вернулась эпидемия чумы. Здесь он потерпел поражение и был взят в плен (1818 г.) Так как он был потомком пророка Мухаммеда, с ним обращались хорошо, и вопрос о свержении династии не стоял. Но отныне власть его ослабла. Он назначил своим преемником племянника Абд ар-Рахмана, сына Хишама, и тот правил страной до 1859 г.

* * *

Марокко никогда не оставляло равнодушной деловую Европу. Она торговала с ним на протяжении многих столетий: например, финикийцы основали там свои фактории более чем за тысячу лет до Рождества Христова. Страна располагала значительными рудными ресурсами (золото, серебро, медь, олово, сульфид железа и т.д.). За исключением меди, все они были плохо разработаны. Главная сила Марокко заключалась в его земледелии. Говорили даже, что оно кормит Испанию, а в период неурожая – и Францию. Марокко экспортировало зерновые (ячмень, пшеницу, просо и др.), дававшие в некоторых областях по три урожая в год. Оно производило также табак, хлопчатник и сахарный

¹ По сообщению газеты *Le Moniteur* от 21 прериала X года (10 июня 1802 г.), в итоговом сражении со стороны мятежников погибло 8000 чел. Однако к этой цифре нужно относиться с осторожностью.

тростник, что после Революции не могло не интересовать французских торговцев ввиду потери колоний на Антильских островах. Несмотря на вопиющие проявления социального неравенства и хронические внутренние беспорядки, королевство Слимана в целом выглядело процветающей страной. Кроме того, оно занимало важнейшее стратегическое положение на входе в Средиземное море. Танжер смотрел прямо на Гибралтар¹ и соседствовал на побережье со старыми испанскими крепостями, главными из которых были Сеута (Sebkha) и Мелилья (Milya)².

Правление Мухаммеда III и начало правления Слимана были отмечены развитием торговли с европейцами и с Соединенными Штатами, что создавало риск дестабилизации режима, устройство которого не способствовало рациональному и централизованному использованию отношений с внешним миром. Дания, Португалия, Франция и вольный город Гамбург имели торговые договоры с Марокко. Но львиную долю, как всегда, забрала себе Испания. Она имела эксклюзивные права на рыбную ловлю и одна пользовалась привилегией экспорта пшеницы через Касабланку – в то время маленький порт на атлантическом побережье. Не всегда отношения между двумя королевствами складывались наилучшим образом. Периодически оживали распри по поводу будущего испанских крепостей. Нет-нет да и вспыхивали коммерческие споры – как, например, в 1799 г., когда восемь марокканских линейных кораблей заблокировали на несколько дней порт Кадиса. Мирный договор был подписан в Мекнесе 1 мая 1799 г.³ Особые отношения с Марокко имела также Австрия. По договору 1784 г., продленному 20 февраля 1805 г., вво-

¹ Владение Англии по Утрехтскому мирному договору, положившему конец Войне за испанское наследство (1713 г.).

² Отнятая у арабов португальцами в 1415 г. Сеута была в 1580 г. завоевана испанцами. Город располагался неподалеку от горы, которая вместе с Кальпе, как назывался в древности Гибралтар, образует так называемые Геркулесовы столбы. Мелилья была занята испанцами в 1496 г. Такие города, как Танжер (1471) и Агадир (1505), были заняты португальцами или испанцами. Им пришлось отступить после битвы при Эль-Ксар-эль-Кебире (исп. – *Alcazarquivir*), в ходе которой были убиты король Себастьян I Португальский, король Феса и маврский претендент на престол, откуда название битвы, произошедшей 4 августа 1578 г.: «Битва трех королей». Правители Марокко никогда не мирились (и сейчас не хотят мириться) с существованием испанских крепостей. Так, Мухаммед III попытался отобрать силой Мазаган, португальское укрепление на Атлантическом берегу (1769), и особенно Сеуту (1771). Обе попытки окончились неудачей.

³ Отметим, что по настоянию Слимана в ст. 13 этого договора было записано, что стороны должны добиваться скорейшей отмены рабства. Это было не только актом гуманности, но и жестом, направленным на недопущение в Марокко христианских спасителей и миссионеров. Борьба против рабства являлась традиционным направлением внутренней политики Марокко, рисковавшим стать помехой для развития земледелия, которое остро нуждалось в дешевой рабочей силе.

зная пошлина на австрийские товары была снижена на 50%¹. Другой крупный партнер, Соединенные Штаты, торговал с Марокко и пользовался его портами для стоянки своих военных судов. Многочисленные путешественники, прибывавшие в Танжер, сообщали о присутствии в порту американских кораблей². Но в тот период настоящий прорыв совершила Англия. 8 апреля 1791 г. был продлен торговый договор 1783 г. По нему британцы получали право беспрепятственно ездить туда-сюда, проживать, строить и торговать по всему Марокко. После Трафальгара и особенно после водворения Жозефа Бонапарта в Мадриде они практически монополизировали рынки. Они даже собирались открыть дорогу из Марокко в Судан. В 1809 г. лондонской Африканской компанией на место был выслан немец по имени Рётген. В июле он выехал из Могадора, примкнув к какому-то каравану. Спустя несколько месяцев он был найден убитым.

Несмотря на успешно развивавшуюся торговлю с Европой и наперекор тому, что делал Мухаммед III, поручивший, например, строительство порта Могадор (Эсауира) французскому инженеру и не препятствовавший открытию многочисленных консульств в Танжере и торговых домов по всей стране, Слиман всегда стремился освободить свою страну от любого засилья иностранцев – пусть даже только в коммерческих делах. Его возмущало, что европейцы приезжают прежде всего закупать сырье и материалы и отказываются продавать его стране промышленные товары, которые ей так нужны. Он также знал, что со столь могущественными «партнерами» торговые переговоры могли окончиться политическим или даже военным вмешательством. Хотя торговля с христианами оставалась разрешенной, султан ввел на нее ограничения: «Я только что повелел, чтобы всякий торговец, который не привезет в страну или в порты полезных вещей или привезет один балласт, тут же высылался бы обратно с пустым судном», – заявил он 6 мая 1807 г. Изоляционизм дошел до того, что подданным было запрещено покидать территорию страны без внесения залога³. Такая политика заключала в себе многие риски, начиная от растущего вмешательства, в том числе военного, со стороны иностранцев во внутреннюю политику и кончая сокращением налоговых поступлений, состоявших в первую очередь из таможенных сборов.

¹ Один австрийский посланник, Моньяль де Пуийи (Mognial de Pouilly), оставил рассказ о своем посещении султана. Документ хранится в Архиве министерства иностранных дел Франции: *Mémoire sur le Maroc par M. de Pouilly (1805)* // ААЕ. MD. Vol. 1. Maroc. Folios 247 à 351.

² Об этом сообщает Пуийи в своей «Записке» (см. предыдущую сноску).

³ *De La Martinière H. Souvenirs du Maroc*. P., 1919. P. 24.

На момент Революции имелось шесть французских торговых домов с постоянным местонахождением в Марокко. Они продавали в основном сукно и шелка (которых здесь не производили), а покупали пшеницу, лошадей, растительное масло и продукты, ввозимые караванами из Судана (перо, золотой порошок). Их товарооборот был незначительным: миллион ливров в год, что было меньше, чем с регентством Тунис¹. Эти торговцы были в основном уроженцами Марселя, так как за торговой палатой Фокейского города было признано исключительное право «ведать всеми делами торговли с Левантом и Варварией». Этот «марсельский империализм»² свел почти к нулю торговые обмены между Руаном, Ла-Рошелею и Марокко, веком ранее бывшие весьма активными. В период Консульства и Империи из-за войны на море, а затем – Континентальной блокады, марсельская морская торговля была полностью дезорганизована, что превратило крупный французский порт на Средиземноморье в зону «экономического бедствия»³. Восстановление Торговой палаты – отныне лишь в качестве совещательного органа – никак не повлияло на ситуацию: негоцианты больше не могли ничего отправлять или принимать. Префект Тибодо с грустью вспоминает об этом в своих мемуарах⁴. Множество торговых судов гнило в порту (вмещавшем до 1 200 единиц), а сотня «негоциантов-банкиров-судовладельцев»⁵ оказалась в тяжелейшем положении.

Торговая активность между Францией и Марокко сошла на нет, а политические отношения между двумя странами испортились.

Франко-марокканские отношения при Наполеоне

Помимо поездок и торговых сношений, в XVI в. имело место официальное оформление дипломатических отношений между Францией и Марокко. В 1533 г. «султан Феса» Ахмед аль-Уатаси из династии Сааидов принял первого посланника короля Франции, которым тогда был Франциск I. Первый двусторонний договор о дружбе был заключен между Людовиком XIII и Мулайм аль-Вахидом, обозначенным в документе как «Король Феса, Суса и Сале». Договор дважды продлевался, в 1635 и 1682 гг. соответственно. Первым аккредитованным французским консулом был Берар (1582). С тех пор и вплоть до 1912 г. в Марокко всегда

¹ См.: *Devèze M.* L'Europe et le monde à la fin du XVIIIe siècle. P., 1970. P. 287.

² Выражение принадлежит Ксавье Домалену (Xavier Daumalin), на которого ссылаются авторы работы: *Buti G., Le Bouëdec G.* Les mutations économiques: un bilan mitigé // *Les Français, la terre et la mer. XIIIe-XXe siècle.* P., 2005. P. 502.

³ *Busquet R.* Histoire de Marseille. P., 1998. P. 328.

⁴ *Mémoires de A.-C. Thibaudeau* (1799–1815). P., 1913.

⁵ *Almanach du Commerce.* P., 1805. P. 539–541.

находился по меньшей мере один представитель Франции¹, не считая периода франко-марокканской «войны» (1718–1767), вызванной активностью берберских пиратов, совершавших свои набеги из марокканских портов². Договор 30 мая 1767 г., положивший конец этому затяжному кризису, регламентировал франко-марокканские отношения вплоть до начала XX в. В основе этих отношений лежали три принципа: французское консульское представительство признавалось марокканской стороной в тех портах, которые выбирала Франция; при консульстве могла быть открыта католическая часовня; французский консул пользовался преимуществом перед другими консулами. При всем том отношения между двумя королевствами оставались маргинальными, приобретая «политический характер лишь от случая к случаю: нескольких чрезвычайных, картинно обставленных посольств было вполне достаточно для поддержания идеи и образа мирных взаимоотношений»³. Весьма холодно общаясь с Англией, Португалией и Османской империей, султан был заинтересован – но не более того – в сохранении близости с Францией и, конечно, с Испанией.

По договору 1767 г. генеральным консулом в Сале был назначен Луи Шенье (1722–1795)⁴. Он находился на этом посту вплоть до 1782 г. Ему принадлежит заслуга переноса консульства в Танжер, прямо напротив Гибралтара. Он вынужден был покинуть страну вследствие неприятного дипломатического инцидента: султану было отказано в приеме в Версале; тогда тот вызвал к себе в Марракеш Шенье и предписал ему вернуться во Францию⁵. Лишь после Революции на смену Шенье прибыл Жан-Батист Дюроше (1743–1798), сосредоточивший в своих руках функции консула и поверенного в делах (1790)⁶. Спустя два года, во время отпуска во Франции, ему было поручено отвезти султану дорогие подарки. Он выехал лишь в 1794 г., был арестован англичанами в Гибралтаре и умер в Кадисе, так и не выполнив своей миссии⁷. Исполняющими обязанности были на-

¹ При Старом порядке их иногда бывало двое: один в Сале, другой в Тетуане.

² См.: *Caillé J. La représentation diplomatique de la France au Maroc. P., 1951.*

³ *Allain J.-Cl. La représentation de la France au Maroc avant le protectorat // Méditerranée, Moyen-orient. Deux siècles de relations internationales. P., 2003. P. 45.*

⁴ Он был отцом поэта Андре Шенье и литератора Мари-Жозефа Шенье, в то время гораздо более известного.

⁵ По возвращении во Францию Шенье опубликовал большое сочинение «Исторические исследования о маврах и история империи Марокко» (*Recherches historiques sur les Maures et l'histoire de l'Empire du Maroc*).

⁶ С этого времени все консулы при варварийских (берберийских) регенствах и в Марокко были поверенными в делах. – См.: *Les Affaires étrangères et le corps diplomatique français / Sous dir J. Baillou. P., 1984. T. 1. P. 472.*

⁷ В связи с делом Дюроше произошло событие на грани дипломатии и курьеза. Английский губернатор Гибралтара похитил подарки, предназначавшиеся султану, а затем послал их

значены дипломаты более низкого ранга – Анри Мюр (консул в Сале), Шарль Гийе, а затем – Доминик Фурне. Генеральный же консул был назначен лишь с началом Империи. Им стал д’Орнано. Отметим также, что начальником канцелярии консульства Франции в Марокко с 1792 по 1803 г. был Матье де Лессепс (1774–1832)¹, отец Фердинанда де Лессепа².

На момент своего прихода к власти Бонапарт был уже достаточно хорошо известен марокканским правителям, внимательно следившим за его Египетской кампанией. По этому случаю дипломатические представители Франции и Англии развернули настоящую пропагандистскую войну. Первый распространял в переводе покровительствующие исламу прокламации генерала, командующего восточной армией, а также статьи из *Moniteur*, превозносящие его деяния. Второй же предостерегал Махзен (правительство марокканского султана. – *Примеч. пер.*) от так называемых французских планов по захвату всего побережья Магриба³. Мулай Слиман же не спешил с выводами, тем более что Бонапарт оказывал всяческие знаки уважения его подданным. Такие акции, как освобождение рабов на Мальте, многие из которых были марокканцами (среди них оказалась и жена одного шерифа), или усилия, предпринятые генералом, чтобы позволить брату султана вернуться в страну морским путем по дороге из Мекки⁴, или особая защита, предоставленная марокканским паломникам, получили высокую оценку при дворе. Паломники провезли в своем багаже письмо Бонапарта Мулай Слиману, где говорилось следующее:

Мулай Слиману как подарки от лица Англии. Султан же не дал себя провести и повелел передать подарки Гийе, временно исполнявшему обязанности консула.

¹ После Марокко Лессепс был младшим комиссаром по торговым делам в египетской Дамьете (1803–1806), затем генеральным консулом в Ливорно (1809–1814), затем, недолго, работал на Ионических островах. Еще он был префектом департамента Канталь во времена «Ста дней». Отстраненный от дел второй Реставрацией, он вновь получил назначение лишь в 1818 г., став генеральным консулом в Филадельфии. В 1821 г. он был переведен в Алеппо, а затем в Тунис. Хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как он покинул Танжер, министр иностранных дел поручил ему составить рапорт о королевстве Мулай Слимана. Он подал его в 1809 г. Мы неоднократно используем этот рапорт в данной работе.

² Фердинанд де Лессепс – французский дипломат и предприниматель; известен как руководитель и идейный вдохновитель двух крупнейших инфраструктурных проектов второй половины XIX века: удачного — Суэцкого канала и, с первой попытки менее счастливого, — Панамского, чье название на долгие годы стало синонимом финансового мошенничества. Оба проекта оказали колоссальное влияние на развитие мировой политики и экономики. – *Примеч. пер.*

³ Английская пропаганда была эффективна только в отдаленных районах. Как рассказал один спасшийся после кораблекрушения француз по имени Кошле (его рассказ приводит Жак Кайе – см.: *Caille J. Napoléon et le Maroc // RIN. № 80. 1961 Juillet. P. 66*), Бонапарта иногда считали там «исчадием ада».

⁴ См. письмо Бонапарта генералу Мену от 7 фримера VII года [27 ноября 1798 г.] – *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. P., 2005. Vol. 2. № 3798.*

«Нет бога, кроме Бога, и Магомет пророк его!

Во имя Бога, великодушного и милосердного!

Султану Марокко, служителю священной Касбы¹, могущественному среди королей и верному блюстителю закона истинного пророка.

Мы пользуемся возвращением паломников, чтобы написать вам письмо и сообщить вам, что мы предоставили им всю помощь, какая была в наших силах, потому что наше намерение – при любых обстоятельствах делать то, что может убедить вас в нашем к вам уважении. Взамен мы просим вас хорошо обращаться с французами, которые находятся в ваших государствах или которых могла бы привлечь туда торговля»².

По сообщениям Матьё де Лессепа, султан в тот момент «неизменно выказывал самое живое восхищение героем, который [только что] покорил Египет»³. Но, несмотря на это, Мулай Слиман не отступился от своего нейтралитета в европейских конфликтах. Самое большее, в последующие годы кое-какие марокканские суда привозили продовольствие в Александрию, однако речь шла скорее о торговле, нежели о политике. После 18 брюмера Мулай Слиман окончательно отказался заключать с Францией какие-либо явные и эксклюзивные союзы.

Наполеоновский режим сохранил разветвленную консульскую сеть по всему миру⁴. Чтобы консулов, занятых в международных делах, не смешивали по их званию с триумвиратом, правившим во Франции, им присвоили титулы генеральных комиссаров, комиссаров и младших комиссаров по торговым делам⁵. Звания генерального кон-

¹ Касба (араб. kasbah, casbah – цитадель) – резиденция правителя; в широком смысле – старый город, медина. – *Прим. пер.*

² Письмо от 28 термидора VII года [15 августа 1799 г.] // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. Vol. 2. № 4728.*

³ Цит. по: *Caillé J. Napoléon et le Maroc. P. 65.*

⁴ Около девяноста французских консульств было открыто в Европе (Киль, Мадрид, Кадис, Валенсия, Малага, Балеарские и Канарские о-ва, Венеция, Мессина, Палермо, Неаполь, Щецин, Кенигсберг, Данциг, Варна, Дарданеллы, Кандия, Афины, Яссы и т.д.), в Соединенных Штатах (Бостон, Нью-Йорк, Балтимор, Новый Орлеан и т.д.) и на Дальнем Востоке (Макао, Кантон и т.д.). Помимо Танжера и Лараша (вице-консульство начиная с 1807 г.), Франция содержала семь консульств или вице-консульств в Африке: Каир, Александрия, Дамьетта, Розетта, Алжир, Тунис, Триполи – *Almanach impérial. 1810.*

⁵ Постановление 12 фримера VIII года (3 декабря 1799 г.). Все эти агенты, как бы они ни назывались, назначались главой государства. Роль консулов по-прежнему определялась королевскими эдиктами и ордонансами времен Старого порядка (1778 и 1781 гг.) и включала в себя: суд над гражданами Франции, надзор за французскими кораблями, наследственные дела французов, запись актов гражданского состояния. Они должны были следить за соблюдением коммерческих интересов Франции, облегчать решение задач, стоявших перед французскими коммерсантами, предлагать способы улучшения национальной торговли с той страной или городом, где они находились. Они также должны были осведомлять правительство о политической и военной обстановке. В каждое консульство назначался один агент,

сула, консула и вице-консула были восстановлены лишь в период Империи¹.

В момент провозглашения Империи младший комиссар Фурне временно исполнял обязанности генерального комиссара. Он уведомил султана о свершившемся событии в надежде получить от него поздравительное письмо в адрес Наполеона I, но встретил отказ, мотивированный тем, что «султан правоверных» не может-де писать султану христиан. От этого франко-марокканские отношения, и так находившиеся в мертвой точке, теплее не стали. Они даже откровенно испортились в последующие годы, после назначения генеральным комиссаром, а затем – генеральным консулом в Танжере родственника Наполеона Микеланджело д'Орнано (1771–1859), в прошлом комиссара по торговым делам на Сардинии². Этот бывший офицер был жестким, высокомерным человеком, причем особенности его природного склада отражались и на тоне его инструкций³, предписывавших, в частности, являться для представления султану без обычных для такого случая подарков.

Подобное указание шло вразрез с глубоко укоренившейся – и не только в Северной Африке – традицией преподносить подарки, которые иногда бывали роскошными: золотые или серебряные изделия, сукно, фарфор и т.д. Подарки делались как шейхам и шерифам племен, по территории которых предстояло проехать, так и вельможам, губернаторам или военным вождям и, наконец, самому монарху – во время аудиенций по случаю представления верительных грамот или отставки. Эти церемонии были весьма зрелищными. Консула, пешего, встречал хозяин – на коне, в окружении солдат и сановников королевства⁴. В ответ дипломат

оплачиваемый министерством (кроме стран Востока, куда добавлялся также переводчик). Прочие сотрудники нанимались и оплачивались из бюджета дипмиссии. Штат консульства находился в ведении министерства иностранных дел (отдела торговых связей под руководством Эрмана и паспортной службы, возглавляемой Николя Брюле), но частично его деятельность курировалась министерством мануфактур и коммерции, созданным в 1812 г.

¹ Декрет 22 марта 1806 г.

² Указ о назначении от 24 фримера XIII года [15 декабря 1804 г.]. Д'Орнано был сыном Лодовико д'Орнано (1744–1816) и Изабеллы Буонапарте (1749–1816), сводной сестры Шарля Бонапарта, как и он, дочери Наполеона Буонапарте, двоюродного дедушки Наполеона I.

³ *Projet d'instructions pour M. Ornano, commissaire général chargé d'affaires au Maroc // AAE. MD. Vol. 2. Maroc. Fol. 502-507. Частица de в фамилии D'Ornano была восстановлена в официальных документах лишь после 1808 г. – Caillé J. Le consul de l'Empereur au Maroc // RIN. № 93. Octobre 1964. P. 174.*

⁴ В своей картине «Султан Марокко и его свита» (франц. название – *Moulay Abd er-Rahman, sultan du Maroc, sortant de son Palais de Meknès entouré de sa garde et de ses principaux collaborateurs*), изображающей прием посланника Луи-Филиппа в 1832 г., Эжен Делакруа показал, в составе какой свиты султан встречал послов. Полотно, впервые выставленное в Салоне 1845 г., ныне хранится в Музее августинцев в Тулузе.

также получал подарки¹. Рачительность и принципиальность д'Орнано не должны были, однако, помешать ему заверить короля «в искреннем и дружеском расположении [императора] и его желании сохранять его и укреплять союз и хорошие отношения» между двумя империями.

В остальном его инструкции имели целью продемонстрировать твердость, подобающую большой и могущественной европейской империи. По прибытии д'Орнано пришлось заниматься последствиями присоединения Лигурии к Франции, добиваться того, чтобы к французскому морскому флагу было такое же отношение, как и к генуэзскому. Ему пришлось добиваться безотлагательного освобождения генуэзских рабов, которые могли находиться на территории «Короля Марокко», чтобы «ни один из них не остался в плену». Их, видимо, было немного, учитывая политику противодействия рабству, проводимую страной. Д'Орнано предстояло также информировать Махзен о том, какой ход был дан двум рекламациям, сделанных подданными султана по случаю захвата английских кораблей французскими корсарами. Первая касалась присвоения 12 тыс. пиастров и ряда товаров, на которые претендовали мавры из Тетуана. Вторая затрагивала конфискацию груза с двух английских кораблей, захваченных при отплытии из Тетуана. Совет по наложению ареста на суда ранее отказал в обоих исках, мотивировав это тем, что не было никаких доказательств принадлежности данной собственности марокканским истцам². Если бы посланнику императора пришлось отвечать на вопросы, касающиеся этих двух дел, он должен был бы отвечать, что обе рекламации «[были] рассмотрены самым внимательным образом, но, так как никакие торговые данные не позволили удостоверить собственность марокканцев, правительство [было] не властно остановить ход правосудия и что не [было] оснований пересматривать судебные решения, вынесенные на основании законов, установленных и принятых всеми морскими державами Европы».

Помимо этих дипломатических задач, генеральный комиссар должен был поддерживать «активную» переписку с министром иностранных дел, касающуюся, в частности, морского трафика в Гибралтарском про-

¹ Так, например, Пуйи получил от Тетуанского паши 4 быка, 4 барана, 4 дюжины кур и 400 яиц – *Mémoire sur le Maroc* par M. de Pouilly (1805).

² Созданный постановлением 6 жерминаля VIII года (27 марта 1800 г.) и реорганизованный декретом 21 ноября 1806 г., Совет по наложению ареста на суда под председательством государственного советника, в составе восьми членов, назначаемых главой государства, выносил решения о законности и классификации наложения ареста на морское имущество, по случаям повреждений, кораблекрушений и посадки на мель кораблей, плавающих под нейтральными или союзными флагами, а также по апелляционным жалобам на решения офицеров морской администрации портов, касающиеся наложения ареста на вражеские суда.

ливе. Таким образом, консулы были частью сохранившейся Францией шпионской сети. Наконец, как и всем консульским агентам, генеральному комиссару надлежало неустанно заботиться о защите находящихся на территории страны французских граждан и торговцев¹.

В Танжере, как и по всей стране, д'Орнано предстояло также нейтрализовать происки конкурентов, будь то представители союзников – как пользовавшийся большим доверием испанец Антуан Гонзалес Салмон, нейтральных стран – как американец Уэбслер Блаунд, проведенный в Танжере 25 лет, или, тем более, стран, находившихся в состоянии войны с Францией – вроде страшного британского консула Джеймса Марио Мальра, который сидел в этом большом порту вот уже 20 лет и мог рассчитывать на поддержку португальца Жорж-Пьера Колассо, также занимавшего свой пост в течение 20 лет, или шведа Пьера Виха со стажем в четверть века².

В целом, французский консул выполнял свою миссию достаточно неуклюже³. Он был резок и не уважал местные обычаи. Так, в 1806 г., случайно ранив одного марокканца во время охоты, он отказался предстать перед султаном для дачи объяснений: пришлось губернатору Танжера заступаться за него во избежание громкого дипломатического скандала⁴. Неудивительно, что Махзен не спешил помогать генеральному консулу в его повседневной деятельности. Именно так провалился план закупки лошадей для конного завода императора французов. Мулай Слиман не дал осуществиться этой сделке: заявив, что предлагает верховых лошадей, на самом деле дал негодных животных⁵. В этих условиях у д'Орнано было мало шансов вовлечь Марокко в союз с Францией, особенно если тот был направлен против Англии, ставшей непобедимой на море после Трафальгара.

При Мулай Слимане нейтралитет поистине находился в центре внешней политики Марокко. Учитывая хрупкость внутреннего консенсуса и характер зарубежных партнеров (Англии, Франции, Испании) султан, сам по себе человек мирный, не желал пускаться во внешнеполитические авантюры. «Политика Марокко не отличается ни размахом, ни сложностью, – писал по этому поводу Матьё де Лессепс. – Эта держава

¹ Д'Орнано надо было еще найти для французской миссии дом, более соответствующий его рангу, поскольку дом его предшественника пришел в негодность. Ему разрешили даже построить новый в случае надобности.

² *Mémoire sur le Maroc* par M. De Pouilly (1805).

³ Во всяком случае, такого мнения придерживаются многие историки, в том числе Леон Годар: *Godard L. Op. cit. P. 576.*

⁴ *Caillé J. Le consul de l'Empereur au Maroc. P. 175.*

⁵ *Caillé J. La mission du capitaine Burel en Maroc en 1808. P. 17.*

не может и не должна пытаться расширить свои границы, а местная аристократия настолько занята заботой о сдерживании и подавлении своих вечно недовольных подданных, что ей не до завоеваний», – хотя бы даже за счет своего соседа, регентства алжирского, которому она не доставляет «никаких хлопот», несмотря на оккупацию марокканцами с 1797 г. района вокруг Орана¹. Точно так же, «те, кто стал бы подозревать турок в нерасположении к Марокко и поиске поводов для причинения ему неудобств, заблуждался бы на этот счет»². Ведь Османская империя имела лишь номинальную власть над регентствами Алжир и Тунис, и последние вовсе не хотели связываться с марокканской армией. Отношения с европейцами должны были отныне ограничиваться торговлей³; к тому же султан был против того, чтобы эта торговля была односторонней. Он ни за что не хотел быть втянутым в поединок титанов на континенте, к чему его, не сегодня, так завтра, могла вынудить ситуация в Испании. И действительно, в октябре 1807 г. французский министр иностранных дел Шампаньи добился от испанцев присоединения к блокаде Гибралтара⁴. Д'Орнано предстояло убедить Махзен проводить блокаду и закрыть для англичан свои порты, в частности Танжер. Однако усилия генерального консула не увенчались успехом. Он писал своему министру: «Я удвоил усилия с целью заставить маврское правительство принять строгие меры против англичан [...], но я сильно сомневаюсь, что смогу уговорить это правительство пойти на разрыв отношений»⁵.

Д'Орнано можно поставить в заслугу то, что он добился отправки к Наполеону марокканского посла. Им стал Хадж Идрис Рами, «сын идрисидской семьи Шорфа из Феса». 6 июля 1807 г. он прибыл в Марсель в сопровождении нескольких своих соотечественников, а также Жана Лабр-Клермона, французского торговца из Лараша, который должен был взять на себя функции переводчика. Об этом император узнал из полицейской сводки: «Генеральный комиссар полиции Марселя со-

¹ Король Марокко проигнорировал, однако, просьбу о проведении собрания, направленную ему в 1803 г. старейшинами Тлемсена.

² *Mémoire de Mathieu de Lesseps sur le Maroc*. 1809.

³ Кстати, министр иностранных дел Марокко именовался «морским министром».

⁴ Мадридское правительство очень неохотно подчинилось этому требованию, ибо через Гибралтар в Испанию ввозились не только колониальные товары (корица, мускатный орех, гвоздика, какао), табак – транзитом через Танжер – для королевских мануфактур Севильи, но и железные слитки. Поэтому испанские таможи пропускали продовольственные товары, заявляя, что небольшие лодки, выгружавшие их в Альхесирасе, были «парламентёрскими судами». – *Crouzet F. L'économie britannique et le Blocus continental*. P., 1987. P. 264.

⁵ Письмо, относящееся к апрелю 1808 г. Цит. по: *Caillé J. Le consul de l'Empereur au Maroc*. P. 178.

общает, что 6 числа этого месяца посол короля Марокко при дворе Франции со всей своей свитой встал на рейд и в тот же день вошел в карантинную гавань на срок 25 дней. Среди подарков, которые везет с собой этот посол, особо выделяются четырнадцать призовых лошадей»¹. По истечении семнадцати дней карантина посол совершил торжественный выход в Марсель, а затем отправился в столицу. Он был принят императором: дипломатическая аудиенция состоялась 6 сентября 1807 г. в замке Сен-Клу.

Во время этой краткой аудиенции он обратился к победителю Фриланского сражения со следующей речью:

«Хвала Богу.

Султану султанов, самому прославленному из государей, Великолепному и Августейшему Императору Наполеону. Мы передаем Вашему Величеству бесконечное множество приветствий, соразмерное степени нашей к Нему дружбы. Наш Господин и Хозяин Сулейман, император Марокко (да укрепит и увековечит Бог срок его империи), послал нас к Вашему Величеству, чтобы поздравить Его со счастливым восхождением на державный трон. По отношению к Вам он демонстрирует то же, что всегда демонстрировали его предшественники по отношению к Вашим, а именно – верность договорам. В его глазах, Вы – самый великий, самый выдающийся среди государей Европы, и он чрезвычайно дорожит дружбой с Вашим Величеством. Он прислал меня к Нему с подарками. Пусть Оно соблагovolит их принять. Мы молим Всемогущего, чтобы он продолжал даровать Вашему Величеству благополучие и неизменное удовлетворение»².

После нескольких адресованных ему приветственных слов марокканский посланник вручил Наполеону письмо от Мулай Слимана:

«Выдающемуся султану, Величайшему Принцу, высокочтимому, могущественнейшему королю Наполеону Первому, Императору Франции и Королю Италии.

Ваш многоуважаемый консул д'Орнано, пребывающий в настоящее время в нашей империи, известил нас о войнах и сражениях, которые Вам пришлось вести с некоторыми христианскими нациями, Вашими врагами, и которые закончились полной победой, одержанной Вами над ними, – победой, подобной которой не одерживал еще ни один король.

¹ D'Hauterive E. La police secrète du Premier Empire. Bulletins quotidiens adressés par Fouché à l'Empereur. P., 1922. Т. 3. P. 307.

² *Moniteur* от 8 сентября 1807 г.; та же статья появилась на следующий день в газете *Journal de l'Empire*.

Именно это побудило нас послать к Вам нашего посла и служителя Хадж Идриса Рами, чтобы поздравить Вас со счастливым состоянием Вашей империи и с победой, которую Вы одержали над вашими врагами, и в то же время сообщить Вам о совершенно особом уважении, которое мы к Вам испытываем и которым до сих пор не пользовался у нас ни один правитель. Мы сохраняем с Вами доброе согласие и дружбу, такую, какой она была и раньше между нашими империями, следуя в этом по стопам нашего отца – нашего высокочтимого учителя, да хранит Бог его прах. Мы надеемся, если Богу будет угодно, что ничто не нарушит этого союза, ввиду того что мы испытываем к Вам бесконечное уважение, и пусть ни один король не разделит с вами того глубочайшего почтения, которым Вы пользуетесь у нас.

В подтверждение этих чувств мы послали Вам незамедлительно с нашим вышеупомянутым послом небольшие подарки, чтобы передать Вам от нас привет. Мы желаем, чтобы Вы их любезно приняли. Знайте, что у них нет иной цели, кроме поддержания между нами дружбы и доброго согласия. Мы надеемся, если Богу будет угодно, что наш союз с вами останется прочным и не претерпит никаких изменений¹.

Аудиенция длилась всего несколько минут, и, в соответствии с церемониалом, Идрис Рами был препровожден в свои покои, а император французов перешел к следующему пункту своей программы, а именно – к приему депутации ганзейских городов и посла великого герцога Гессенского². Таким образом, нельзя сказать, что между монархом и послом состоялись длительные переговоры. Последний даже был принят не самим министром иностранных дел, а начальником отдела министерства, отвечающим за южные дела. В октябре месяце делегация покинула столицу. Она возвратилась в Марокко в марте 1808 г. Результаты посольства были незначительными, чтобы не сказать ничтожными, если, конечно, не считать того, что Лабр-Клермон по просьбе марокканского посла был назначен вице-консулом в Лараше. Узнав об этом решении, д'Орнано выразил удивление: по его мнению, новый вице-консул был неграмотным типом с репутацией горького пьяницы³. От марокканцев так ничего и не добились, и прежде всего – присоединения к Континентальной блокаде. В довершение всего марокканский посол вез с собой письмо Наполеона султану следующего содержания:

¹ Письмо от 23 мая 1807 г. // ААЕ. Lettres diverses. 1533–1811.

² О протоколе, предусматриваемом церемониями такого рода, см.: *Branda P. Étiquette impériale*, а также: *Maîtres des cérémonies de la Maison de l'Empereur* // Quand Napoléon inventait la France. Dictionnaire des institutions politiques, administratives et de cour. P., 2008.

³ Лабр-Клермон занимал этот пост вплоть до 1814 г.

Наполеон [...] Высочайшему, Могуущественнейшему и Превосходнейшему Императору, Нашему Дражайшему Брату и Доброму Другу, Привет.

Между Вашими государствами и Францией всегда существовала замечательная дружба. Мы с удовольствием получили Ваше письмо, в котором Вы выражаете такие же чувства к нам, и мы желаем, чтобы наши отношения с Вами становились с каждым днем все теснее. Ваши подданные всегда найдут в нашей Империи благожелательный прием; мы надеемся, что и наши подданные будут пользоваться в Ваших государствах таким же благопритствием.

Ваш посол, мудрый эмир Эль-Хадж Идрис Рами, достойно выполнил миссию, которую Вы ему поручили, и передал нам Ваши подарки в знак Вашей дружбы; примите же и Вы, в качестве залога нашей, подарки, которые мы передаем ему для вас. Нас всегда будет живо интересовать процветание вашего Царствования, и мы поручаем нашему Генеральному консулу в Танжере выражать вам по любому поводу наше уважение и дружеское к вам расположение.

Да хранит Вас Бог, Высочайший, Могущественнейший и Превосходнейший Император!¹.

Письмо Наполеона Мулай Слиману было столь же лишено политического смысла, сколь и письмо, которое от имени своего хозяина передал ранее Идрис Рами. Однако франко-марокканским отношениям не суждено было ограничиться дипломатическими заверениями в дружбе и набором учтивостей. Установление контроля над Испанией со стороны Французской империи внесло коррективы в эту ситуацию, сделав отношения между странами, если можно так сказать, более содержательными.

В качестве прелюдии к этим событиям Мулай Слиман, вероятно под влиянием генерального консула Англии Мальра, предостерегавшего его об опасности, которую представляло французское присутствие в Лиссабоне, и обсуждавшего с ним планы Наполеона по вторжению в Северную Африку, – приказал своим войскам блокировать с суши Сеуту (февраль 1808 г.), которая со стороны моря была блокирована британским флотом². Спустя несколько недель, 22 марта 1808 г., триста английских солдат заняли маленький остров Перехиль в десяти километрах от Сеу-

¹ Письмо от 11 ноября 1807 г. // ААЕ. Correspondance politique. 215. Folio 211.

² С декабря 1807 г. Наполеона стали беспокоить планы англичан относительно прибрежных крепостей. См. его письмо Жозефу от 26 декабря 1807 г. // Napoléon et Joseph. Correspondance intégrale. 1784–1818 / Établie par V. Haeghele. P., 2007. № 837.

ты¹. Эта операция должна была стать прелюдией к более широкому наступлению, которое позволило бы изгнать испанцев из Сеуты, но, в конечном счете, оно было отложено до лучших времен². Французы, судя по всему, ничего не знали об изменившихся планах англичан. Они были плохо информированы о том, что происходило в тех краях. Тем не менее генерал-лейтенант императора в Испании Мюрат забил тревогу по поводу Сеуты: «Кажется, марокканцы и англичане готовятся к серьезному нападению на этот город»³.

Квазивойна после 1808 г.

Наполеон никогда не отказывался от амбициозной политики на море и от мечты «контролировать морскую торговлю по всему миру»⁴. Его внешняя политика всегда претендовала на глобализм: «Наши разногласия с Англией отнюдь не ограничиваются Европой, – писал он. – Баланс городов Средиземноморья, морей – это все важные вопросы, которые предстоит решать»⁵. Естественно, Средиземноморье было включено в стратегические планы императора. Стремясь «победить море сушей», он никогда не отказывался от занятия прочных позиций на морских берегах с целью лишить британскую торговлю въездных пунктов в торговые регионы. Это касалось и Марокко. Наполеон всегда хотел внедрить туда свои вооруженные силы. Так, в 1801 г. он попросил своего посла в Мадриде – это был его брат Люсьен – подумать вместе с правительством Карла IV, что можно сделать в этом плане: «Я желаю, чтобы вы прислали мне сведения о владениях испанцев на побережье Марокко, и особенно о ситуации с портами и городскими укреплениями, которые им принадлежат. Я хотел бы иметь укрепленный пункт в империи Марокко, расположенный на проливе»⁶. Король Испании не отреагировал на это обращение, ограничившись тем, что дал понять: в качестве союзника

¹ Этот остров известен нам как «остров Персиль» («île du Persil»), что является переводом с испанского слова *peregil* (петрушка. – Прим. пер.) Он стал предметом острого спора между Марокко и Испанией в 2003 г.

² Гарнизон Гибралтара, усиленный свежими войсками, должен был высадиться на Сеуте под командованием генерала Спенсера и занять ее. Операция была отменена из опасения спровоцировать наступление французской армии в Испании против самого Гибралтара. – *Napier W.F.P. History of the War in the Peninsula and in the South of France. L., 1828. T. 1. P. 171.*

³ Мюрат – Наполеону. 16 мая 1808 г. // *Prince Murat et Paul Le Brethon. Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat. P., 1912. T. 6. № 3318.*

⁴ *Marzagalli S. Les boulevards de la fraude. Le négoce maritime et le Blocus continental. 1806–1813. Lille, 1999. P. 263.*

⁵ Наполеон – Талейрану. 5 фруктидора IX года [23 августа 1803 г.] // *Correspondance générale. № 7956.*

⁶ Наполеон – Люсьену Бонапарту. 23 жерминаля IX года [13 апреля 1801 г.] // *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale. № 6211.*

Франции он и так предоставил в ее распоряжение испанские крепости на побережье Африки. Дело не двигалось с места в течение нескольких лет. Сеута так и не стала контрольно-пропускным пунктом на Гибралтарском проливе.

Поражение Франции в битве при Трафальгаре, недалеко от северного побережья Марокко, изменило расклад сил во франко-марокканских отношениях, причем надолго. Если верить марокканскому историку: «Эта битва определила отношения между Марокко и европейскими странами на целый век вперед»¹. Вплоть до создания Антанты Марокко являлось важным союзником Англии и фактически противником Испании и Франции. Английское господство над Средиземноморьем, как и над всеми остальными морями, утвердилось надолго, и уже через несколько недель после Трафальгара Мулай Слиман, стремясь извлечь урок из этого стратегического изменения баланса сил, пошел на открытое сближение с Англией, предоставив британцам благоприятные условия для торговли и одновременно затруднив торговые обмены для негоциантов других наций.

Позднее, на фоне испанских дел, отношения между Марокко и Францией испортились настолько, что можно даже говорить о «квази-войне»: «Логично, что став хозяином Испании, [Наполеон] стал уделять Марокко особое внимание»². Император думал, что сможет без особого труда прибрать к рукам испанские крепости, но марокканцы тут же усмотрели опасность в том, что на мадридский престол взошел представитель семейства Бонапартов.

Марокканцы неодобрительно отнеслись к провозглашению Жозефа Бонапарта королем Испании. И, разумеется, они были довольны тем, что приняли превентивные меры в отношении Сеуты³. Они не спешили переходить на сторону Англии, но и не хотели, чтобы осуществился стратегический замысел Франции. Они понимали, что «Наполеон [хотел] использовать испанские крепости в Марокко как базу для завоевания Северной Африки – нового источника поставок хлопка и сахара»⁴. Согласно ст. 2 Байоннского договора, юридически закреплявшего смену династии в

¹ *Simou B.* La bataille de Trafalgar: enjeux politiques en Méditerranée et impact sur le Maroc // *Puissance terrestre et maritime à l'époque de la bataille de Trafalgar.* P. 491 [487–497].

² *Caillé J.* Napoléon et le Maroc. P. 70.

³ Д'Орнано думал, что операция марокканцев на Сеуте и операция англичан на Перехиле были заранее согласованы. Он подозревал некоторых членов правительства Мулай Слимана, в частности визиря Мохаммеда Эль-Слауи, в том, что они купились на «английское золото». (*De Castries H.* Napoléon et le Maroc // *Revue hebdomadaire.* 1908. P. 330.)

⁴ *Edgar Melvin F.* Napoleon's Navigation System. A Study of Trade Control during the Continental Blockade. N.Y., 1970. P. 54. В 1560 г. в Руане был открыт сахаро-рафинадный завод, занимавшийся переработкой южномарокканского сырья.

Мадриде, африканские крепости оставались, конечно, испанскими¹, но Наполеон рассчитывал поставить их на службу своим планам. По поводу Сеуты император высказался так: «Потеря этого укрепления имела бы самые что ни на есть серьезные последствия для Испании и для Франции»².

Во время своего длительного пребывания в замке Маррак он много занимался этой темой: запрашивал сведения, отдавал приказы, размышлял над тем, как лучше укрепиться в Сеуте и других пунктах. Именно тогда к нему явился испанец Доминго Бадиа-и-Леблих, человек авантюрного склада. В 1803 г., выдавая себя за турка из Алеппо, этот предприимчивый деятель совершил путешествие в Марокко под именем Али-бея аль-Аббаси. Он сумел завоевать доверие султана и подготовил на деньги Карла IV экспедицию в Марокко. Экспедиция не состоялась, и вот теперь он приехал предложить свои услуги Наполеону. Не располагая временем, император попросил дворцового префекта Боссе заняться этим делом: «Я только что побеседовал с одним испанцем, которого вы видели в гостиниой; у меня сейчас нет времени, чтобы внимательно выслушать его историю, которая к тому же обещает быть весьма длинной. Встретьтесь с ним, побеседуйте с ним и ознакомьтесь с рукописями, о которых он мне рассказал; а потом доложите мне»³. Боссе представил рапорт, в котором предлагал продолжить сотрудничество с Бадиа. Но император не последовал его совету⁴. Он решил использовать дипломатию угроз и силу оружия, ретроспективно подтвердив правоту марокканцев, давно подозревавших, что у императора имеются особые виды на их страну.

После занятия Мадрида на Мюрата посыпались приказы, касающиеся Сеуты, куда император хотел спешно направить войска: «Незамедлительно пошлите войска на Сеуту и на Менорку через Барселону»⁵. Наполеон даже называл цифру в 6 тыс. чел., что было практически невозможно, учитывая английское владычество над морями. Наместник императора

¹ «Целостность королевства будет сохранена» – *Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire. Documents diplomatiques du Consulat et de l'Empire. P., 2004. Т. 2. P. 367. Речь идет о таких африканских территориях, как Сеута, Мелилья, о-ва Чафаринас, о-ва Алусемас, Велес-дела-Гомера и Оран.

² Наполеон – Мюрату. 28 мая 1808 г. // *Correspondance de l'empereur Napoléon Ier* publiée par ordre de l'empereur Napoléon III. № 14015.

³ *De Bausset L.F.J.* Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1er mai 1814, pour servir à l'histoire de Napoléon. P., 1829. Т. 2. P. 280–282.

⁴ *De Castries H.* *Napoléon et le Maroc*. P. 320–324. Бадиа опубликовал в 1814 г. «Путешествия Али Бея Эль-Абаси в Африку и Азию с 1803 по 1807 гг.» (*Voyages d'Ali-Bey el-Abassi en Afrique et en Asie pendant les années 1803 à 1807*. P., 1814. 3 vols.) Первый том посвящен Марокко.

⁵ Наполеон – Мюрату. 15 мая 1808 г. // *Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat*. № 3309.

начал с того, что приказал командующим гарнизонам Кадиса, Тарифы, Альхесираса и Малаги сделать все возможное для того, чтобы наладить снабжение крепости: «Сеута в опасности, эта крепость не имеет достаточного снабжения, ее гарнизон слишком слаб. Употребите все средства, какие в вашей власти, чтобы доставить туда подкрепления и продовольствие, используйте даже чрезвычайные средства: я все одобряю заранее»¹. Одновременно он направлял Наполеону сведения, собиравшиеся по крупицам из разных источников, которые позволяли ему заключить, что «марокканцы открыто [симпатизируют] англичанам и что происходит перемещение войск в направлении Танжера и Сеуты [для] отражения вторжения французов»².

Наполеон, несомненно, должен был отдавать себе отчет в том, что мощные рейды, которые он планировал, неосуществимы. И тогда он решил еще раз написать Мулай Слиману, чтобы склонить его отвести свои силы от Сеуты и дать обосноваться там франко-испанским войскам: «Я пошлю вам следующей почтой мое письмо королю Марокко, которым я поставлю его в известность, что, если он не предоставит всей необходимой помощи Сеуте и не обеспечит защиту для подхода испанских судов, то он нанесет мне этим оскорбление»³. Для передачи своего послания император попросил Мюрата отрядить какого-нибудь офицера инженерных войск, способного собрать необходимые разведанные об армии, укрепленных районах и устройстве марокканского королевства:

К сему прилагается письмо для императора Марокко. Вы поручите толковому офицеру инженерных войск, который наденет форму адъютанта, отправиться в Сеуту, а оттуда – в Танжер. Он свяжется с моим консулом, чтобы предпринять все действия и все, что необходимо, для подрыва влияния англичан. Как хороший инженер, он должен вести наблюдение в Фесе и по дороге, чтобы потом суметь доложить мне о состоянии фортификаций, о характере местности, о силе армий, о населении и, наконец, обо всем, что меня интересует с военной точки зрения⁴.

¹ Мюрат – генералу Солано. 17 мая 1808 г. // Ibid. № 3328. См. также письмо n° 3326 генералу Кастаносу.

² Мюрат – Наполеону. 13 мая 1808 г. // Ibid. № 3296.

³ Наполеон – Мюрату. 9 мая 1808 г. // Correspondance. № 13836.

⁴ Наполеон – Мюрату. 16 мая 1808 г. // Correspondance. № 13908. В тот же период Наполеон приказал министру морского флота Декресу отправить офицера с аналогичной миссией в Алжир. См. недавно вышедшую работу: *Frémeaux J. Boutin et la conquête de l'Algérie // Napoléon Ier. Le magazine du Consulat et de l'Empire*. 2003. № 19. P. 24–27, а также: *Marchioni J. Boutin: le «Lawrence de Napoléon. Espion à Alger et en Orient*. Nice, 2007.

Миссия капитана Бюреля

Для доставки письма Наполеона Мулай Слиману и осуществления шпионской миссии Мюрат назначил капитана Антуана Бюреля (1773–1832)¹. Видимо, он выбирал его не самостоятельно, а поручил произвести отбор кому-то из членов своего генштаба. Бюрелю было вручено письмо, в котором говорилось:

Господин офицер, в приложении находится письмо Императора для Императора Марокко, которое я поручаю вам отвезти и вручить ему лично в руки. Сначала вы отправитесь в Танжер, а оттуда, вместе с консулом Франции, в Фес. Вы предпримете все шаги и употребите все средства для подрыва влияния англичан. Ваша поездка из Танжера в Фес должна стать военно-разведывательной операцией. Вы соберете все возможные сведения о состоянии фортификаций, характере местности, продовольственных запасах, о характере дорог, силе армий Марокко любых родов войск и, наконец, об умонастроениях по отношению к Франции и испанцам, а также обо всем, что может быть интересно с военной точки зрения.

Вы вернетесь в расположение моего генерального штаба после того, как получите ответ короля Марокко и запрашиваемые разведданные. Уполномочиваю вас надеть форму адъютанта какого-нибудь генерала. Вы должны знать инструкции на память, чтобы в случае непредвиденных обстоятельств можно было их сжечь или бросить в воду².

Посыльный императора имел при себе также рекомендательное письмо к д'Орнано:

Господин Консул, Император поручил мне послать толкового офицера инженерных войск, чтобы отвезти письмо Императору Марокко и вручить ему его лично в руки. Император повелевает, чтобы вы сопровождали его в поездке, и поручает мне сообщить вам, что цель этой миссии – нарушить любыми средствами влияние, которое англичане могли бы иметь при Дворе Марокко. Объедините же все ваши усилия и умения для достижения этой цели! Офицеру инженерных войск поручено, кроме того, произвести военную разведку и подать мне рапорт об армии Марок-

¹ Уроженец департамента Рона (родился в местечке Сен-Жан де Тула), Бюрель поступил на военную службу в 1793 г. После участия в голландской кампании он проходил обучение в Политехническом, а затем в Инженерном училище г. Мец. Получив звание лейтенанта, участвовал в Итальянской, а затем в Египетской кампании. Вернувшись из страны фараонов в 1801 г., служил при различных штабах, включая штаб французской армии в Испании. Вот почему в мае 1808 г. он оказался в Мадриде.

² Мюрат – Бюрелю. 20 мая 1808 г. // *Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat*. № 3346.

ко, о лучших дорогах, позициях, запасах продовольствия, которые можно раздобыть в этой стране, о фортификациях, одним словом – обо всех военных объектах. Император очень рассчитывает на ваше усердие и таланты для успеха возложенной на вас миссии. Мне известна ваша преданность его персоне, и я нисколько не сомневаюсь в блестящем исходе дела. Спешу воспользоваться представившимся случаем, чтобы еще раз засвидетельствовать вам мое почтение¹.

Антуан Бюрель выехал из Мадрида 23 мая 1808 г. Спустя две недели он прибыл в Танжер. Мулай Слиман в тот момент был занят подавлением бунтовщиков Рифа, и офицеру пришлось ждать до 18 августа, когда, наконец, он был торжественно принят в Фесе. Сопровождаемый д'Орнано, он вручил письмо Наполеона, «завернутое в золоченую парчу и шелковый платок»²:

Высочайший, Могущественнейший и Превосходнейший Император, наш Дражайший Брат и большой Друг, Приветствуем вас!

Мы всегда ценили то состояние мира и дружбы, которое существовало между Вами и Францией, и сегодня, когда у нас стало больше возможностей представить Вам доказательства нашей искреннего расположения – благодаря уступке королем Испании своей короны и прав в нашу пользу, – мы желаем, больше, чем когда либо, остаться в полной мере Вашим другом.

Испания сохранит свою территорию и свою независимость; ее новый государь будет готов поддерживать с вами отношения добрососедства. Но нужно, чтобы и Вы вели себя по отношению к Нам и по отношению к Испании как добрый сосед и верный друг. Англичане хвастаются тем, что Вы им преданы и благоприятствуете их планам: они находят приют и помощь в ваших портах; крепость Гибралтар снабжается продовольствием через Ваши государства; говорят даже, что суда ваших подданных используются для доставки этого продовольствия; наконец, англичане обосновались и укрепились на острове, соседствующем с Вашей территорией, откуда они пресекают судоходство с портом Сеута.

Такое положение дел несовместимо с принципами добрососедства. Мы требуем от Вас прекращения этого сотрудничества; мы просим Вас больше не терпеть размещение англичанами войск по соседству с вами на острове Перехиль, противодействовать любой высадке людей и выгрузке военного снаряжения, которые они могли бы произвести на Ва-

¹ Мюрат – д'Орнано. 20 мая 1808 г. // Ibid. № 3345.

² Рапорт Бюреля: Service Historique de la Défense. Terre. 1. М., 1675.

шей территории для нападения на крепость Сеута и для ее снабжения продовольствием. Гибралтар не должен получать от Вас никакой помощи; удалите англичан от Ваших берегов: скоро они уничтожат всякую торговлю Ваших подданных, ибо они хотят одни заниматься торговлей и получать от нее все выгоды. Если Вы будете благоприятствовать их намерениям против Нас, Мы будем вынуждены причислить Вас к нашим врагам, а мы не бываем ни друзьями, ни врагами лишь наполовину. От Балтики до Гибралтарского пролива все занято нашим оружием. Силы Испании сегодня соединились с силами Франции, и с помощью этих сил мы сумеем отразить нападение или отомстить за вред, который будет нам причинен, – либо открыто, либо с помощью вероломного нейтралитета.

Но от имени Франции и Испании Мы выражаем вам Наше желание поддерживать с Вами самые дружеские отношения. Пока они существуют, Ваши интересы будут нашими; Ваши подданные будут находить защиту в Нашей Империи, а их торговля с нашими народами будет для Ваших государств источником богатства.

Мы желаем вам благополучия, и да хранит Вас Бог, Высочайший, Мощнейший и Превосходнейший Император¹.

Письмо было угрожающим и нелюбезным – под стать общему тону писем Наполеона того периода. Д’Орнано пришлось написать своему министру, что оно повергло «султана в дурное расположение духа»². На следующий день после аудиенции оба французских представителя имели продолжительную беседу с братом султана Мулай Абд аль-Саламом. Они вновь пожаловались на слишком большое внимание со стороны Слимана к англичанам, сославшись при этом на явно недостаточную реакцию Марокко на Перехильскую операцию, а также на угрозу, нависшую над Сеутой. Они выразили протест против приема в Марокко консула, представлявшего испанских мятежников. Брат султана ответил им, что они напрасно беспокоятся: Марокко проводит сбалансированную политику и не встает ни на чью сторону, что было не совсем так. Вместе с тем он сообщил им, что его брат будет воевать «с теми, кто сам этого пожелает», что стало своеобразным жестким ответом на письмо императора. Обоим французам настоятельно порекомендовали вернуться обратно в Танжер. Им не было предоставлено прощальной аудиенции. 13 сентября они получили ответ Слимана Наполеону³. Из-за английской блока-

¹ Письмо от 16 мая 1808 г., которое приводится Жаком Кайе в: *Caillé J. Deux lettres de Napoléon Ier au Sultan du Maroc // RIN. 1964. № 90. P. 16.*

² Цит по: *Ibid.* P. 17.

³ Бюрель оставил дневник, повествующий о его миссии. – SHD. Terre. 1 M 1675.

ды побережья Бюрелю пришлось ждать аж до апреля 1810 г., чтобы вернуться в Европу, а оттуда – в Париж. Он был принят Наполеоном в Компьени, а затем в Сен-Клу, 21 марта и 3 июня 1810 г. соответственно. Перед второй аудиенцией он подал секретарю императорского кабинета два документа: дипломатический рапорт, описывающий провал его миссии¹, и докладную записку, очень точно характеризующую состояние марокканской армии.

К тому времени отношения между Францией и Марокко совсем разладились. Великий визирь Си Мохаммед Слауи называл Наполеона «опасным преступником, который призван постоянно оскорблять служителей Бога»², а Мулай Слиман заключил формальное соглашение с британским генеральным консулом в Танжере в обмен на возвращение Марокко Сеуты³. Впрочем, крепость была занята англичанами, которые отныне полностью контролировали вход в Средиземное море. Танжер же стал финансово-деловым центром, через который следовали деньги и векселя, ранее проходившие через Лиссабон⁴. В период введения системы лицензий⁵ английские суда заходили в порты Танжера и Туниса. Там они практиковали маневр, позволявший им доставлять в Европу важные продовольственные продукты, а именно – разгрузку и вновь погрузку товара, чтобы не считалось, что он ввозится из Англии. Для других же кораблей Королевский флот производил почти тотальный досмотр всех ввозимых и вывозимых грузов.

Таким образом, франко-марокканский союз надолго расстроился в пользу Англии. Марокко не смогло извлечь из этого всех тех выгод, на которые оно рассчитывало, поскольку после падения Наполеона испанская монархия была восстановлена в своих правах до 1808 г., и, следовательно, за ней сохранялись испанские прибрежные крепости, в том числе и Сеута, которую Мулай Слиман так хотел заполучить обратно. Что до Наполеона, то, занятый всецело усилением своей континентальной системы, он практически не обращался к теме Марокко после неудачи миссии Бюреля.

¹ Мы публикуем этот рапорт в приложении к настоящей статье.

² Цит. по: *Tulard J. Maroc / Dictionnaire Napoléon*. P., 1999. Т. 2. P. 280.

³ *Simou B. La bataille de Trafalgar*. P. 492.

⁴ *Crouzet F. Op. cit.* P. 303.

⁵ Рядом декретов, изданных в июле 1810 г., устанавливалось, что любое судно, входящее или выходящее из какого-либо порта Империи, должно иметь при себе лицензию, подписанную лично императором; любой ввоз должен уравновешиваться вывозом на эквивалентную, по меньшей мере, сумму; импортироваться могли только продукты питания или сырье. Торговля промышленными товарами также строго контролировалась: экспортируемые товары должны были на треть состоять из шелковых тканей.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рапорт капитана инженерных войск Бюреля о его миссии при дворе императора Марокко в 1808 г.

22 мая 1808 г. Его Императорское Высочество великий герцог Берга, тогда – генерал-лейтенант Испании, поручил мне отвезти и вручить лично императору Марокко письмо Его Величества Императора Французов и совместно с Генеральным консулом г-ном д'Орнано употребить все средства для уменьшения влияния англичан на марокканский двор.

Инструкции, которые мне были даны

Он приказал мне, кроме того, произвести, по мере возможности, военную разведку по дороге из Танжера в Фес и доложить все разведанные, которые я сумею добыть, относительно состава и силы маврских армий, а также относительно способов их фуражировки, поведения на марше и в бою. Детали этих разведанных содержатся в прилагаемом донесении и четырех рисунках; вот что я должен добавить, по приказу Его Величества Императора французов, по поводу политической цели моей миссии.

Отъезд из Мадрида и прибытие в Танжер

Я выехал из Мадрида 23 мая 1808 г. Волнения, всколыхнувшие Андалузию, начались 26-го, что вынудило меня оставить дорогу Севилья – Эсиха. Я поехал через Ронду и 25-го прибыл в Альхесирас, где меня довольно любезно принял испанский генерал Корстаньос [Кастанос], завизировавший мои документы и снабдивший меня средствами для безотлагательного следования через Тарифу в Танжер. Я информировал великого герцога Бергского о своем прибытии в Альхесирас, я сообщил ему также о своем прибытии в Танжер письмом от 27 мая. Это было мое последнее письмо, поскольку из-за волнений в Андалузии с этого момента всякая переписка между Марокко и французской армией была прервана.

Г-н Генеральный консул д'Орнано приехал за мной в порт и выразил желание, чтобы я поселился у него; я сообщил ему о двойной цели моей миссии, и на другой день он представил меня Мохамеду бен Селаоуэ эль Фекиру [Мухаммед аль-Слауи аль-Бохари аль-Фекир], министру Императора Марокко и паше северных провинций, который в разговоре сообщил нам, что его господин выступил во главе 25-тысячной армии против повстанцев провинции Риф и, вероятнее всего, сможет принять от меня депешу лишь после своего возвращения.

Г-н Консул написал прямо государю, сообщив, что один офицер привез ему письмо от Императора Французов, что Консул должен меня со-

проводить и что он просит его обеспечить нам доступ ко двору; тот ответил, что поскольку он находится в военном походе, то сможет принять нас только после своего возвращения, дата которого ему неизвестна.

Отъезд из Танжера

Г-н Консул настоял 13 июня на срочности нашей депеши, и паша Мохамед бен Селаоуэ ответил от его имени, что около 20 июля нас вызовут ко двору; наконец, 30 июля он написал нам, что мы можем отправиться в Микенес [Мекнес]. Он приставил к нам эскорт из пятнадцати всадников, семеро из которых были офицерами; он также распорядился дать нам верховых лошадей и восемнадцать мулов для перевозки нашего багажа и обычных для такого случая подарков; мы выехали из Танжера 15 августа 1808 г. Наш небольшой караван состоял из нас с Генеральным консулом, двух вице-консулов, двух офицеров торгового флота, хирурга, трех слуг-французов и десяти слуг-мавров. За ним следовал наш маленький эскорт из пятнадцати всадников. Губернатор Танжера во главе сотни человек сопровождал нас, пока мы ехали по городу. Во время каждого привала к нашему эскورتу подъезжали отряды от двадцати до сорока человек, гарцуя и стреляя на ходу; они охраняли палатки ночью, а по утрам их сменяли другие отряды; продовольствием же нас снабжали окрестные деревни.

После девяти дней пути мы прибыли под стены Микенеса, где разбили лагерь в очень красивой оливковой роще; губернатор Микенеса явился отдать нам честь во главе четырехсот всадников и двухсот пехотинцев, которым он повелел совершать вокруг нас различные маневры; затем перед нами строем прошли двенадцать сотен армейских кавалеристов. Жара стояла невыносимая, температура достигала 37 градусов в тени.

14 августа прибыл офицер, сказавший мне, что его господин примет нас в Фесе, где его задержали важные дела; мы уехали из Микенеса 15 августа; мы остановились на ночлег в Уад Энза [Uad Enza [N'ja]] на реке удовольствий, где мы славно отпраздновали тридцать девятый день рождения Императора французов.

Прибытие в Фес

16-го в половине седьмого утра мы стояли у ворот Феса. Интендант Дворца Хаджи анно бен айунн [Хадж Анун бен Хайун] шел впереди нас с двадцатью пятью или тридцатью пажамы Императора; он провел нас по новому Фесу по дороге в его сад, расположенный между двумя городами. Поскольку жилье состояло всего из двух комнат, слугам и эскорту при-

шлось расположиться на ночлег под деревьями в саду. Вскоре пришел офицер и сказал нам от имени Императора, что мы можем отдохнуть два дня и что 18-го, после трехчасовой молитвы, государь даст нам аудиенцию.

Публичная аудиенция императора Марокко

Утром 18 августа нам доставили двух лошадей в новой упряжи, обратив наше внимание на то, что такой подарок является особой честью, которая послам и то оказывается лишь в день их отъезда; в четверть пятого вечера за нами пришли хаджи аннон бен айунн с правителем Феса и десятью или двенадцатью офицерами и разными, очень узкими улочками повели нас в новый Фес; нас привели в сады Бужелуд [Бен Желуд], прилегающие ко дворцу, и мы прождали около получаса в беседке, увитой виноградом; о появлении императора возвестил хор голосов, выкрикивавших: Алла ибарек ма эль Сиди [Allah ibarek fi âmer Sidi] – да хранит Бог моего хозяина; к нам подбежали двое офицеров, сказав, что мы должны приблизиться; мы вышли на плац перед большой палаткой: Император сидел верхом на лошади в конце длинного прямоугольника, образованного пятью- или шестьюстами пеших гвардейцев; при нем находились разные высшие офицерские чины – босые и с откинутыми назад капюшонами бурнусов. Государь отличался от остальных только тем, что был верхом, в накинутом капюшоне, и офицер держал над ним большой зонт от солнца – отличительный знак царствующей особы в Марокко; его одежда была необычайно белой и тонкой; седло было покрыто красным бархатом, а сапоги были желтыми, но я не заметил на нем ни вышивки, ни позолоты, ни драгоценностей.

Наблюдения за государем

Мулай Солиман, император Марокко, – человек высокого роста; светловолосый и белолицый; у него приятное, значительное и довольно красивое лицо, ему около сорока пяти лет, он страдает небольшим заиканием и косоглазием. Он принадлежит к классу Тальбов [Tolba], то есть юристов или ученых, он является главой мусульманской религии на всем Западе, у него мягкий и не слишком воинственный характер, он справляется с управлением гораздо лучше своих предков, и все же солдаты его недолюбливают из-за его скупости.

Все сопровождавшие нас французы были задержаны при входе в прямоугольное ограждение, образованное военными. Нас с г-ном Генеральным консулом ввели внутрь окружения: после первого и второго приветствий офицеры, которые нас вели, придержали нас за одежду, но Император дал им знак подвести нас поближе, и наше последнее приветствие

было сделано всего в шести шагах от него; г-н Консул д'Орнано обратился к нему с небольшой приветственной речью, из девяти или десяти предложений, что не принято у этих серьезных и лаконичных народов. Четыре раза император прерывал его своими ответами – как будто каждый раз решал, что речь уже окончена; г-н Консул д'Орнано представил Императора французов как своего большого друга, которого направляет длань Божья и который держит в своем управлении большинство христианских народов; после чего он представил меня как письмоносца нашего государя.

И тогда я обратился к нему с кратким приветствием; он внимательно слушал перевод, трижды прерывая его достаточно точными ответами.

«Высокий и могущественный государь: Наполеон I, Император французов и король Италии, приветствует Солимана, своего августейшего друга, и молит Бога об успехе всех его предприятий; он посылает тебе это письмо, дабы укрепить дружбу, которая всегда связывала твое и его семейства».

Император ответил, что он был и всегда будет верен этой дружбе.

«Поскольку его друг Карл IV уступил ему корону Испании, то для управления своими новыми государствами он выбрал из своих родственников-королей горячо любимого брата Жозефа Наполеона, короля Неаполя. Благодаря такому соседству союз Испании, Франции и Марокко будет все больше укрепляться, как того требуют их положение и их взаимные интересы».

Император отвечал, что готов, со своей стороны, делать все, что его друг Император французов сочтет необходимым и даже приятным; когда г-н Консул заметил, что Император французов не просит ничего, кроме продолжения его дружественного поведения, тот отвечал, что не собирается от него отказываться, ибо их связывает давняя дружба.

«Для меня, с молодых ногтей следовавшего за победоносными знаменами Наполеона Великого, нет большей чести, чем обратиться от его имени к самому великому Солиману».

Император ответил, что тех, кто приедет от имени его друга Императора Наполеона, ожидает хороший прием.

Затем я протянул ему письмо Императора французов, завернутое в золоченую парчу и шелковый платок: его доверенное лицо Мулла-Тэ [Мул-Атэй] приблизился, чтобы взять письмо из моих рук. После того как г-н Консул вручил традиционные подарки, мы на прощание дважды поклонились и вернулись обратно в беседку, увитую виноградом.

Император дождался, пока мы выйдем из окружения его гвардейцев, и подал знак военному оркестру, который в ответ произвел какой-то беспорядочный и нестройный шум; часть караула проследовала за ним во

внутренние покои дворца, а сто пятьдесят человек алькаидов [каидов], или офицеров из Феса, которых вызвали для того, чтобы придать больше пышности нашему приему, прошли мимо нас строем, возвращаясь к своим обязанностям в городе. После этого мы сели на лошадей, чтобы вернуться в сад хаджи анно бен айуна; проводники и лакеи подошли к нам, рассчитывая получить свои маленькие презенты.

19-го в три часа утра Сиди Мохамед Зуин, паша Марокко [Марракеша], которого Император держал в тюрьме после его возвращения из армии, пришел просить нас перевести письмо Императора французов, которое передал ему его господин, наказав при этом перевести всё слово в слово, что и было сделано в моем присутствии Консулом г-ном д'Орнано с помощью нашего переводчика и одного тальби [талейб], служившего личным секретарем Императора Марокко. Пока шла работа, паша страдал от сильного недомогания; наш хирург прописал ему какие-то лекарства, которые тот принимать наотрез отказался.

20 августа мы нанесли прощальные визиты, сначала – князю Абселему [Мулай Абд ас-Салам бен Мухаммед бен Абдаллах], брату Императора, затем – Мулай Мохамеду, его второму сыну, так как старший сын жил внутри Дворца и не мог принять нас. Хаджи Анно бен Айунн объявил нам затем, что князь Абселем уполномочен выслушать нас относительно цели нашей миссии.

Частный прием у князя Абселема

Итак, 21-го вечером мы с г-ном Консулом получили приватную аудиенцию брата Императора Мулай Абселема. На вид ему было лет пятьдесят, и, несмотря на свою слепоту, он отличался проницательностью человека, вовлеченного в дела и пользующегося доверием Императора. После первых приветствий он, по нашей просьбе, попросил всех удалиться, кроме личного секретаря и нашего переводчика, сказав нам, что мы можем изложить ему все наши просьбы, как самому императору.

Г-н Консул д'Орнано сказал ему тогда, что Император французов с огорчением видит, что англичан очень хорошо принимают в портах Марокко и что они ведут себя на берегу, как будто это английская территория, и берут оттуда самые разные продукты, а это в сложившихся условиях означает снабжать их реальным оружием против нашей нации; что, совсем осмелев, англичане уже вторгаются на маврскую территорию и оккупируют своими войсками о-в Персиль [Перехиль] или Туару, ежедневно наращивая свои притязания и оскорбительные маневры, направленные против самой же славной маврской нации. Затем он намекнул, что, допуская подобное, власти Марокко дают повод заподозрить их в

некоторой слабости или даже в тайном сговоре; таковы были основные замечания, сделанные Консулом д'Орнано.

Мулай Абселем отвечал, что в том, что касается первого пункта, англичане всего лишь пользуются теми правами, которые имеют в Марокко все христианские нации и на которые могут рассчитывать и сами французы; что продовольствие, которое они получают, будет предоставлено и французам, если те того попросят; он добавил, с нескрываемой иронией, что его брат Император желает находиться в состоянии мира со всеми своими старыми друзьями, соблюдает со всеми абсолютный нейтралитет и будет воевать только с теми, кто сам этого захочет. Что касается оккупации о-ва Персиль, которая нас так возмутила, то он отнюдь не видит в этом, в отличие от нас, нарушения их территории; что если бы это было так, то они, конечно же, могли бы вернуть его себе силой; что пусть те нации, которые считают, что это их задевает, и выгоняют оттуда англичан.

(Замечу здесь, что, каковы бы ни были мотивы этого, англичане эвакуировали о-в Персиль 15 октября 1808 г., примерно через два месяца после нашей аудиенции.)

Затем я сказал, что англичане всегда заманивают своих друзей именно такими маневрами; что их коварная дружба всегда преследует цель скомпрометировать, а затем бросить своих союзников; я упомянул также о том, как англичане только что отобрали у португальцев о-в Мадейра, параллельно заявляя им о своей преданности и демонстративно предоставляя защиту при переезде королевского двора в Бразилию.

Князь ответил мне, что им нет дела до проблем Испании, но что в том, что их касается, они никому не дают себя обманывать или навязывать себе влияние; он еще раз повторил, что они будут воевать лишь с теми, кто сам этого пожелает.

Тогда я рассказал о том, как в данный момент англичане ведут себя на Балтике; но слабое представление, которое имели об этом мавры, а также ответ князя и недавняя новость об эвакуации Мадрида французской армией, заставили нас с Консулом задуматься о другом. Г-н Консул закончил эту встречу просьбами, касающимися вице-консульства в Лараше, и замечаниями по поводу того, что двор Марокко только что принял консула мятежных испанцев: первые были удовлетворены, вторые же – отложены для более тщательного изучения.

Просьба о второй аудиенции и отказ

Через два часа после этой беседы, когда Император передал нам, что мы можем отправляться обратно в Танжер, куда он пришлет свой ответ Императору французов, мы стали настойчиво просить у него второй

аудиенции, во время которой мы решили возобновить наши замечания и представления и вдобавок пожаловаться на его министра Селаоуэ, который открыто симпатизировал английской стороне. В этой аудиенции нам было очень вежливо наотрез отказано; взамен была предложена новая встреча с князем Абселемом, чтобы мы могли изложить ему то, что, вероятно, забыли сказать во время первой.

Мы с Консулом совещались по поводу последних политических новостей, по поводу того, имеет ли смысл повторять князю Абселему то, что мы уже сказали, не будет ли неосторожностью пожаловаться ему на министра, в то время как есть подозрение, что он и сам разделяет его расположение по отношению к англичанам, и мы остановились на том, что уедем без аудиенции Мулай Абселема, ответив, что наши предложения были такого рода, что их можно было изложить лишь самому государю. Наш отъезд был назначен на следующий день, и нам предстояло проехать у подножья гор.

Возвращение в Танжер

Мы вернулись в Танжер, через подножья гор, но нас везли и встречали уже по-другому – не так, как когда мы прибыли ко двору: не было ни почетного эскорта, ни джигитовки; мне показалось, что эта холодность была вызвана эвакуацией Мадрида, новость о которой уже дошла до Феса в момент нашей аудиенции.

Министр-паша вернулся в Танжер 11 сентября, а 12-го нам была предоставлена аудиенция. Я спросил, прибыл ли ответ, который я должен был получить, заметив, что желаю вернуться домой при первой же возможности; он мне ответил, что ответ у него и что он вручит мне его в течение ближайших двух дней.

Аудиенция Министра-наши

Затем г-н Консул спросил, каков ответ на его жалобы по поводу приёма испанского консула, представлявшего мятежников. Тот сказал, что его господин счел возможным его принять и что он не может ничего противопоставить его воле. Когда г-н Консул заметил, что проще было бы не отсылать прежнего консула Салнана [Салмаона], тот ответил, что этот консул никогда не был приятен ни маврам, ни испанцам.

Г-н Консул д'Орнано заметил, что принимать представителей бунтовщиков означает идти против принципов и знаков уважения, которые приняты между государями, что это означает поощрять их к поддержке соседних правителей против своих законных повелителей, что, наконец, его сношения с мятежниками являются столь же оскорбительными для

его собственного господина, сколь и для его Величества короля Испании Жозефа Наполеона.

Видимо, паша получил те же инструкции, что и князь Абселем: он сказал, что Консул именовал себя представителем законной и центральной власти, что мавры привыкли верить на слово христианским консулам, как верят они и его, Французского консула, словам; что их не касаются распри европейцев; что они хотят жить в мире со всеми, кто хочет мира от Марокко; что, к тому же, его господин делает в своих государствах все, что считает нужным; что если бы король Испании написал Марокко о своем воцарении в Мадриде и, в частности, о Севильском Консуле, то они приняли бы его подарки и самого Консула, отказавшись от консула мятежников; что до сих пор изменение положения вещей никоим образом не зависело от Императора Марокко.

Затем паша заверил меня в своей преданности; я принял его предложение воспользоваться марокканским судном и дипломатическим паспортом для отбытия в Лиссабон или Марсель, но тут он заколебался, и я почувствовал его неискренность.

Последняя аудиенция Министра-паши

Затем он достал из-за пазухи письмо Мулай Солимана Императору французов, обернутое в несколько листов бумаги и в холщовый платок, с настоятельной просьбой вручить его только императору лично.

Он добавил, что с этого момента я становлюсь посланником его господина и другом мавров. Что после того, как меня так хорошо принимали в Марокко, я должен буду доложить об оказанной мне чести Императору и высшему руководству Франции, что он меня просит выступить перед ними в роли адвоката моих новых друзей и т.д. Я отвечал, что слишком польщен этим новым титулом, чтобы забыть о нем, что я с большим тщанием отнесусь к его рекомендациям и особенно к депешам его господина при общении с высшим руководством Франции.

Он вновь предложил мне содействие моему отъезду по морю, заверив, что отправит судно в Ливорно с предписанием высадить меня в Марселе, и что, с учетом моего нового титула посланника Императора Марокко, он раздобудет для меня английский паспорт. Мне казалось, что это благорасположение и эвакуация о-ва Персиль, имевшая место в следующем месяце, были вызваны приближением могучей французской армии, наступавшей тогда в Испании; но вскоре все изменилось, и ни маврского корабля, ни английского паспорта я так и не увидел.

Все мои попытки вернуться и отчитаться о результатах моей двойной миссии были бесполезны, как об этом во многих своих расписках свидетельствовал французский Консул. Лишь 27 февраля 1810 г. я смог, наконец, после двадцати одного месяца отсутствия, причалить к Туу [Кониль де ла Фронтера] с двадцатью или двадцатью двумя французскими офицерами, бежавшими из Марокко. Накануне моего отъезда марокканский двор не прислал мне никакой новой депеши, и мы с Консулом решили, что добиваться оной не пристало достоинству нашего господина.

Мое возвращение во Францию

Князь Бергский предписал мне доложить о результатах моей двойной миссии лишь ему и никому другому; этот приказ и многочисленные политические изменения, а также указания Императора Марокко, убедили меня в необходимости представить их непосредственно самому Императору французов, которому я и имею честь передать их в Компьени 21 марта 1810 г.

Закончено в Париже, 20 апреля 1810 г.

БЮРЕЛЬ

Капитан инженерных войск

1го класса

Список литературы

Allain J.Cl. La représentation de la France au Maroc avant le protectorat // Méditerranée, Moyen-orient. Deux siècles de relations internationales. P., 2003.

Busquet R. Histoire de Marseille. P., 1998.

Buti G., Le Bouëdec G. Les mutations économiques : un bilan mitigé // Les Français, la terre et la mer. XIIIe–XXe siècle. P., 2005.

Caillé J. Deux lettres de Napoléon Ier au Sultan du Maroc // RIN. 1964. № 90.

Caillé J. La mission du capitaine Burel en Maroc en 1808 // Institut des Hautes Études marocaines. Notes et documents. 1953. №° 13.

Caillé J. La représentation diplomatique de la France au Maroc. P., 1951.

Caillé J. Le consul de l'Empereur au Maroc // RIN. № 93. Octobre 1964.

Caillé J. Napoléon et le Maroc // RIN. № 80. 1961 Juillet.

Chaptal. De l'industrie française. P., 1993.

Crouzet F. L'économie britannique et le Blocus continental. P., 1987.

D'Hauterive E. La police secrète du Premier Empire. Bulletins quotidiens adressés par Fouché à l'Empereur. P., 1922.

De Bausset L.F.J. Mémoires anecdotiques sur l'intérieur du palais et sur quelques événements de l'Empire depuis 1805 jusqu'au 1e mai 1814, pour servir à l'histoire de Napoléon. P., 1829.

- De La Martinière H.* Souvenirs du Maroc. P., 1919.
- Devèze M.* L'Europe et le monde à la fin du XVIIIe siècle. P., 1970.
- Frémeaux J. Boutin et la conquête de l'Algérie // Napoléon Ier.* Le magazine du Consulat et de l'Empire. 2003. № 19.
- Godard L.* Description et histoire du Maroc. P., 1860.
- Kerautret M.* Les grands traités de l'Empire. Documents diplomatiques du Consulat et de l'Empire. P., 2004.
- Laroui A.* L'Histoire du Maghreb. Un essai de synthèse. 2e éd. Casablanca, 2001.
- Les Affaires étrangères et le corps diplomatique français / Sous dir J. Baillou. P., 1984.
- Lugan B.* Histoire du Maroc, des origines à nos jours. P., 2000.
- Maîtres des cérémonies de la Maison de l'Empereur // Quand Napoléon inventait la France. Dictionnaire des institutions politiques, administratives et de cour. P., 2008.
- Marchioni J. Boutin :* le «Lawrence de Napoléon. Espion à Alger et en Orient. Nice, 2007.
- Marzagalli S.* Les boulevards de la fraude. Le négoce maritime et le Blocus continental. 1806-1813. Lille, 1999.
- Mémoires de A.-C. Thibaudeau (1799–1815). P., 1913.
- Napier W.F.P.* History of the War in the Peninsula and in the South of France. L., 1828.
- Napoléon Bonaparte.* Correspondance générale. P., 2005.
- Napoléon et Joseph. Correspondance intégrale. 1784–1818 / Établie par V. Haeghele. P., 2007.
- Prince Murat et Paul Le Brethon. Lettres et documents pour servir à l'histoire de Joachim Murat. P., 1912.
- Tulard J. Maroc / Dictionnaire Napoléon.* P., 1999..
- Voyages d'Ali-Bey el-Abassi en Afrique et en Asie pendant les années 1803 à 1807. P., 1814. 3 vols.
- Zbitou A.* La bataille navale de Trafalgar est-elle à l'origine des convoitises européennes sur le Maroc? // Puissance terrestre et maritime à l'époque de la bataille de Trafalgar: Actes du XXIe congrès international d'histoire militaire. Madrid, 2005.